

Вет. клуб. - 1994. - 6 февр. - 94.

Мари Рамбэр:

Нижинский — это радость

Мари Рамбэр написала книгу "Живое серебро" (что по-польски означает "ртуть" — так называли ее в детстве). Немало страниц в ней уделено и Дягилеву, и Стравинскому, и Нижинскому.

Ежедневно после репетиции я оставалась с Нижинским, чтобы еще раз прослушать партитуру "Весны священной". А он набрасывал движения для следующей репетиции. Ритмы были очень сложные, мне приходилось проходить их с каждым танцором индивидуально. Верный лакей Дягилева Василий Зуйков шпионил за нами, хотя Нижинский не обращал на меня как на женщину ни малейшего внимания.

Когда Стравинский первый раз пришел на репетицию и услышал, как исполняют его музыку, он буквально взорвался. Отташил от рояля толстого немца-пианиста и начал играть сам, причем не просто в два раза быстрее, но еще в два раза быстрее того, что мы смогли бы станцевать. Он топал ногами, бил кулаком по инструменту, пел и кричал — чтобы дать нам представление не только о ритме, но и о колорите оркестрового звучания. Между Стравинским и Нижинским вспыхнул скандал, но Дягилеву все-таки удалось их успокоить.

Нижинский говорил очень мало, с трудом подбирая слова, поэтому его репетиции продолжались так долго. Однако детали движения демонстрировал так прозрачно, что не оставалось никаких сомнений в их правомерности.

У него был такой высокий подъем, такая сильная и гибкая стопа, что он мог подошвой одной стопы сзади, как рукой, охватить щиколотку другой. Меня часто спрашивают, правда ли, что его прыжки были феноменально высокими. Не знаю, как высоко он отрывался от земли, но звезд он достигал, переноса зрителя поистине в небесные сферы. Выдвигались самые абсурдные теории о строении его тела. Говорили, что у него строение ног как у птицы.

У него действительно было необычайно длинное ахиллово сухожилие, что позволяло ему перед прыжком до самого конца согнуть колени при мощно опирающихся на пол ступнях и распрямленной спине. Безотносительно к высоте прыжка он приземлялся кошачьим движением, и стопа его касалась сцены, как пальцы пианиста — клавиш.

Самой большой моей радостью были разговоры с Нижинским. Он давал мне читать издаваемый Дягилевым журнал "Мир искусства", и мы обсуждали с ним статьи, особенно Мережковского о Толстом и Достоевском, к которым мы относились с одинаковым благоговением. На меня производили большое впечатление обширные знания и литературный вкус Нижинского. Он был остроумен и часто смешил меня своими неожиданными замечаниями.

Однажды, когда во время гастролей наш пароход приближался к тропикам, мне вдруг сделалось дурно, и я чуть было

не упала, если бы две сильные руки не подняли меня. Когда я открыла глаза — о счастье — это был Нижинский. Секунда радости небесной! Это было единственное па де де, которое я с ним исполнила в моей жизни!

Помолвка Нижинского с Ромолой стала для меня ужасным ударом. Я вдруг поняла, что давно и безнадежно влюблена в него. Вечером я вышла на пустынную палубу, мечтая, чтобы меня поглотил океан. Хотя то, что случилось, спасло меня от горькой участи Ромолы, которой я тогда так завидовала.

Перевод с польского
Елены РУДЕРМАН.